

АКУДЖАВА

Частный разговор в двух действиях

Действующие лица:

И г о р ь - чиновник, 45 лет

В л а д и м и р - хипстер, 55 лет

Л а р и с а - официантка

Все события происходят в кафе средней руки "Фиалка".

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Время бизнес-ланча. И г о р ь за столиком изучает меню, к нему подходит Л а р и с а .

Л а р и с а: Выбрали?

И г о р ь: Да, меню номер два, с рыбой. Свежая она у вас?

Л а р и с а: У нас всё свежее. Хлеба сколько?

И г о р ь: А сколько можно?

Л а р и с а: Не знаю. По аппетиту.

И г о р ь: Тогда три. Нет, два. В общем, один. Буду худеть.

Л а р и с а: Хорошо. *(Уходит)*.

Игорь достаёт телефон, погружается в него. В кафе заходит В л а д и м и р, садится за соседний столик. Мимо проходит Л а р и с а .

В л а д и м и р: Девушка!

Л а р и с а: Одну минуту.

В л а д и м и р вынимает из кармана фляжку, прикладывается, занюхивает солью из солонки. Определяет, что фляжка опустела и с сожалением прячет её обратно. Л а р и с а несёт обед Игорю.

В л а д и м и р: Девушка!

Л а р и с а: Минуту. *(Расставляет блюда на столике Игоря)*.

И г о р ь: Спасибо.

Л а р и с а *(подходит к Владимиру)*: Здравствуйте. Слушаю вас.

В л а д и м и р: Добрый день. Мне основное меню, пожалуйста.

Л а р и с а: Сейчас принесу.

В л а д и м и р: И сразу сто коньячку, будьте добры. И сок.

Л а р и с а: Какой?

В л а д и м и р: Яблочный.

Л а р и с а: Яблочный - это кальвадос. Коньяк какой? Сок яблочный, хорошо.

В л а д и м и р: А какой у вас есть?

Л а р и с а: Разный. Я вам меню принесу, сами выберете. *(Уходит)*.

В л а д и м и р *(в спину Ларисе)*: Девушка! Эх, девушка, девушка... *(Обращается к Игорю)*. Простите, сигареты у вас не будет?

И г о р ь: Не курю.

В л а д и м и р: Убежала, даже заказать не успел. Извините.

В л а д и м и р уходит к стойке бара. И г о р ь обедает. Л а р и с а приносит на столик Владимира меню в кожаной папке, уходит. В л а д и м и р возвращается, кладёт на стол пачку сигарет, открывает меню.

Чудесненько. Где у них тут? Ага. Армянских сейчас настоящих не бывает. Этот пусть олигархи пьют. О, есть. Девушка! *(Л а р и с а успокаивающе кивает Владимиру из глубин кафе)*.

У И г о р я звонит телефон.

И г о р ь: Слушаю, Олег Артемьевич... На обеде, вернусь через полчаса... В работе тема... Там объем финансирования не позволяет... Так он в бюджет же не заложен... Сделаем, конечно... Не знаю, давайте Извекову поручим... Хорошо, Григорьянцу... Я понял, да. *(Заканчивает разговор)*. Девушка!

В л а д и м и р: На кухню ушла, минут пять уже.

И г о р ь: Всегда у них так.

В л а д и м и р: Часто бываете здесь?

И г о р ь: Каждый день.

В л а д и м и р: Горячее какое порекомендуете? Стейк тут нормальный? Шашлык вижу.

И г о р ь: Не в курсе. Бизнес-ланчи ничего.

В л а д и м и р: Надеюсь, и остальное питабельное. Идёт, наконец.

Л а р и с а ставит перед Владимиром стакан сока.

В л а д и м и р: Спасибо. А коньяк, значит...

Л а р и с а: Минутку. *(Подходит к столику Игоря, достаёт блокнот)*. Рассчитать вас?

В л а д и м и р: Милая моя, хорошая, а как же я?

И г о р ь: Да. Тороплюсь.

Л а р и с а *(Владимиру)*: Мужчина торопится, вы же видите. *(Игорю)* Двести семьдесят рублей. Карта у вас? Сейчас терминал принесу. *(Уходит)*.

В л а д и м и р *(в спину Ларисе)*: Кизлярского сто захватите, девушка! Умоляю!

Игорь: Нет уж. Иначе она ещё на полчаса пропадёт.

Владимир: Нет в людях сострадания к ближнему. "Как вожаденно жаждет век нащупать брешь у нас в цепочке".

Игорь: Что, простите?

Владимир: Неважно. Строчка из Окуджавы.

Игорь: А.

Приходит Лариса. Игорь рассчитывается.

(Ларисе) Спасибо, всего доброго.

Лариса убирает со стола посуду, уносит. Игорь одевается.

(Владимиру) А Окуджава ваш говно.

Игорь идёт к выходу. У дверей останавливается, отвечает на телефонный звонок.

Да, Олег Артемьевич... В "Фиалке", как обычно... Сергей Семёнович подъедет?.. А, водитель Сергей... В департамент?.. Подпишу, конечно... Ясно, что так быстрее... А мне с ним ехать?.. Да, подожду.

Возвращается за свой столик. Перед Владимиром уже стоит коньяк и рюмка.

Девушка!

Владимир: У девушки имя есть.

Игорь: Что?

Владимир: Девушку зовут Лариса, у неё на груди написано. А пожалуй что и на лице.

Игорь: Девушка!

Владимир: Так не подойдёт. Вы уж лучше зовите её "челаэк!", "любезная!" или просто "эй!". Не чинясь.

Игорь: Советовать маме своей будете, что ей из Окуджавы слушать.

К Игорю подходит Лариса.

Лариса: Слушаю.

Игорь: Кофе, пожалуйста.

Владимир: "Одно кофе", вы забыли сказать, "одно".

Игорь *(Ларисе)*: У вас теперь вся окрестная алкашня похмеляется в обед?

Лариса: Какой кофе?

Игорь: Чёрный, с молоком.

Владимир *(Ларисе)*: Пока юноша в галстук тут так откровенно завидует, принесите мне,

Лариса, пожалуйста, люля. Из баранины он у вас?

Л а р и с а: Из баранины. Гарнир?

В л а д и м и р: Давайте фри. Греческий салат и ещё сто коньяка.

Л а р и с а: Хорошо. *(Уходит)*.

И г о р ь: Лузерам вроде вас только бомжи из коллектора завидуют.

В л а д и м и р: Ваше здоровье, мой юный чиновный друг. Дальнейших успехов на ниве распила бюджетов всех уровней. *(Выпивает)*.

И г о р ь: Вам денег дать на костюм приличный? Я тут как раз вчера один бюджет распилил, могу позволить себе лёгкую благотворительность.

В л а д и м и р: Не стоит, право. Вы же все в этих условно приличных костюмах смотрите, как рота патрульно-постовой службы. Только без служебных овчарок. Спасибо, я уж как-нибудь в своём, цивильном. *(Достаёт зазвонивший телефон, идёт покурить на крыльцо заведения)*. Димчик, привет... Нормально вчера добрался, но помню плохо... Лечусь, да... В "Фиалке" какой-то... Супермаркет у "Октября" знаешь? Ну вот за ним слева... Найдёшь... Подъедешь - звони. *(Выходит из кафе)*.

Л а р и с а приносит кофе Игорю, уходит. У Игоря звонит телефон.

И г о р ь: Слушаю, Олег Артемьевич... Так я вернусь тогда... План мероприятий уточнить нужно сегодня... А смысл?.. Нет, конечно важнее... Понял, буду ждать здесь.

Медленно пьёт кофе. В кафе возвращается В л а д и м и р, садится за свой столик.

В л а д и м и р: Так на чём мы тут с вами остановились? А, костюм. Есть у меня желание прочитать вам небольшую лекцию о соответствии формы и содержания. Но вряд ли у вас есть время. У таких как вы свободного времени не бывает. Одна сплошная забота о росте благосостояния подведомственного населения. Скучное племя.

И г о р ь: Ну отчего же? В течение часа я совершенно свободен от трудов несправедливых. Приступайте.

В л а д и м и р: Да тут у нас храбрый портняжка, оказывается. Очень мило с вашей стороны.

Появляется Л а р и с а.

Л а р и с а *(Игорю)*: Вас рассчитать?

И г о р ь: Нет. Кофе повторите, пожалуйста, девушка.

Л а р и с а: Хорошо. *(Владимиру)* Принести ещё что-нибудь?

В л а д и м и р: А принесите мне, Лариса, испить из чаши бытия.

Л а р и с а: Ещё, значит, сто. *(Уходит)*.

В л а д и м и р: Хорошая... Что ж, начнём, благословясь. Шкура саблезубого тигра, мой юный друг, в качестве одежды кроманьонца, разумеется, была в первую очередь функциональна. Но не только...

Игорь: Можно я буду записывать?

Владимир: Нужно.

Проходит некоторое количество времени. За окнами опустевшего заведения темнеет. Лариса включает верхний свет, садится за дальний столик, занимается расчётами на калькуляторе.

Владимир: ...Таким образом, галстук является безусловной и категорической вершиной закрепления внутренней несвободы гражданина во внешнем её проявлении. Не случайно именно эта и только эта деталь одежды обязательно присутствует у военных, полицейских, чиновников любого ранга. Никак невозможно военную и чиновную униформу лишить галстука. Так и до бунта недалеко или революции какой... Вот, собственно, если вкратце.

Игорь: Да, любопытно.

Владимир: Рад, что вам понравилось.

Игорь: Любопытно, как вы сохранились, пещерные люди конца восьмидесятых. Советская интеллигенция позднего разлива. Последние ценители стругацких с акуджавами.

Владимир: Эх в вас московский акцент сразу прорезался.

Игорь: Нет, ни разу не москвич. В столице часто бываю, но сам тутошний, коренной, уроженец деревни Лыхино Поречного района. Всегда вы, интеллигенты, пальцем в небо, но с апломбом. Типичное московское: "акошко", "акрошка", "Акуджава".

Игорь идёт к чёрной грифельной доске у бара, где написаны блюда меню, стирает их тряпкой, пишет крупно "АКУДЖАВА". Возвращается. Лариса наблюдает за действиями Игоря неодобрительно, вновь погружается в расчёты.

Слышать не могу, тошнит. Всё, прошло ваше время, бывшие мэнэсы, энтузиасты перестройки с томиком Стругацких в кармане. Сейчас. (Спешит к доске, добавляет слово "СТРУГАДСКИЕ", подчёркивает дважды, возвращается). Нет вас больше, сопливо гундосящих "возьмёмся за руки, друзья". Ничтожное меньшинство ничтожеств.

Владимир: Караул устал. Как же, помню.

Игорь: Какой ещё караул? Народ от вас устал, от бледных ядовитых поганок. Народу мой костюм роднее, чем твоя серьга в ухе и седые бабские патлы с хвостом.

Владимир: Нет, не "Бриони".

Игорь: Чего?

Владимир: Костюмчик ваш явно не от Бриони. Не наворовали на "Бриони" ещё. Но тысяч восемьдесят стоит, пожалуй.

Игорь: Так купить вам, лузерок, такой же? Повторяю вопрос.

Владимир: Вы же, дружок, удавитесь, но не купите. Это простые комиссарские понты. Вы же партиец, с портретом вождя над рабочим столом наверняка. И с уверенностью, что ваш костюм роднит вас с электоратом. Такая стойкая аберрация сознания. Осознанный бред.

Игорь: А знаете, что удерживает народ от того, чтобы он не начал вас убивать прямо на

улицах?

В л а д и м и р: Меня?

И г о р ь: Вас, извращенцев. Либерзонов, толерастов, геев, пятую колонну.

В л а д и м и р: Вы можете перестать говорить передовицами журнала "Крокодил" 70-х годов? Ладно, неважно. И что же?

И г о р ь: Я удерживаю. В смысле, мы. Нам это не нужно. Пока.

В л а д и м и р: Вам нельзя отказать в чувстве самосохранения.

У Игоря звонит телефон.

И г о р ь: Да, Олег Артемьевич... Обязательно, Олег Артемьевич...

В л а д и м и р (*максимально наклоняется к Игорю*): В жопу тебя, Олег Артемьевич!

И г о р ь: Да здесь тут... Невоспитанность... До упора?.. На месте?.. Как скажете, Олег Артемьевич, конечно. (*Завершает разговор*).

В л а д и м и р: У Артемьича-то "Бриони", да? Не ссы, выслужись.

И г о р ь: Я Отчеству служу, лузерок. Отчество меня ценит, а тебя нет. И храни тебя Господь, если я скажу своему Отчеству "фас". Но не время ещё.

В л а д и м и р: А ведь вы, мой юный друг, сами бы, пожалуй, стреляли, дай вам автомат. В людей. Сами бы, признайтесь.

И г о р ь: Легко. Как в бешеных собак. Только не в людей, какие вы люди.

В л а д и м и р: Предохранитель на АК-47 в какое положение поставите, чтобы очередь по бешеным собакам?

И г о р ь: Э-э?

В л а д и м и р: Там же просто - верхнее, среднее, нижнее.

И г о р ь: Не волнуйтесь, поставлю в нужное.

В л а д и м и р: В каком полку служили, поручик? Впрочем, и так ясно.

И г о р ь: А это совсем не обязательно.

В л а д и м и р: Точно?

И г о р ь: Точно. Вас, пидорасов, мы и голыми руками задушим.

В л а д и м и р: Точно?

И г о р ь: Точно.

В л а д и м и р (*лезет в бумажник, достаёт удостоверение, протягивает Игорю*): На, наслаждайся.

И г о р ь (*читает*): "Предъявитель настоящего свидетельства за успешное задание Правительства СССР имеет право на льготы, установленные постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 января 1983 года. Свидетельство бессрочное и действительно на всей территории СССР". Что за дурацкий раритет?

В л а д и м и р: Этот дурацкий раритет свидетельствует, что обладатель сего проходил службу в 108-й гвардейской Невельской орденов Кутузова и Александра Невского мотострелковой дивизии. Населённый пункт Баграм, страна Афганистан, в 1986-1988-м

годах. А теперь рискни задушить меня, пидораса, голыми руками. Здесь будешь душить или на свежий воздух пойдём?

Игорь: Тем более странно, что вы как заслуженный ветеран...

У Владимира звонит телефон.

Владимир: Да, Димчик... Да брось ты... Отлично здесь уже. Нескучно, по крайней мере... Ну, час наверное продержусь ещё... Вечно у тебя, Григорьев, проблемы возникают в ненужный момент... Давай, Димчик, жду.

Игорь: Митю Григорьева ждёте, художника?

Владимир: Его самого. Ну да, у Димчика странные знакомые встречаются... Так что, любезный, вы душить-то меня своими голыми ручонками намерены или передумали уже?

Игорь: Что ж вы так всё буквально воспринимаете? Я фигурально выразился, от лица, можно сказать, народа.

Владимир: А, народа. Это на здоровье. Когда ворьё в "Бриони" ссылается на народ и, прости господи, на Отечество, мне как-то спокойнее. Расслабляет, как шум морской волны. Прекрасный фон для хорошего пищеварения. Сразу понятно, что в России всё идёт привычным чередом: власть сама по себе, люди отдельно от неё. Эвклидова геометрия.

Игорь: Причём здесь?

Владимир: Параллельные прямые не пересекаются. Вы и мы живем в перпендикулярных плоскостях. И это очень хорошо. Случайные пересечения крайне редки и не фатальны. Ну вот как у нас с вами сегодня. Несущественная погрешность, которая не будет иметь ни малейшего значения ни для вас, ни для меня, ни для мироздания в целом.

Игорь: Это до поры до времени. Фатальное, как вы выражаетесь, столкновение неизбежно. Вы чужие здесь, понимаете? Инородные, как СПИД. Организм или выгоняет из себя заразу, или погибает.

Владимир: Да и хрен с ним, не жалко.

Игорь: Конечно, вам ни страну не жалко, ни людей. Принципы важнее. Поколение Акуджавы.

Владимир: И вот что ещё замечательно, так это то что вы Окуджаву ненавидите. Окуджаву, Стругацких, Тарковского, Бродского - всех их. Ненавидите и боитесь. Потому что сами бездарности, серые и унылые. И скучные. Но когда ваша генерация уродов начнёт поднимать на свои знамёна Окуджаву, тогда я испугаюсь всерьёз. Тогда настанут последние времена и тогда нужно бежать отсюда как от чумы. Но боюсь, что будет поздно.

Игорь: Что ж, в таком случае предложу завтра же в нашем департаменте каждое утро начинать с корпоративного гимна: "Виноградную косточку в тёплую землю зарю-ою-ю..."

Владимир выходит из-за стола и отвечает Игорю затрепину.

Владимир: Пасть закрыл, сучонок.

Игорь пытается встать навстречу, но Владимир силой удерживает его на стуле.

Не нужно. Сам-то подумай. *(Возвращается обратно)*.

Подходит Лариса.

Лариса: Звали?

Игорь: Кофе ещё, пожалуйста.

Владимир: Лариса, душа моя, ты Окуджаву любишь?

Игорь уходит в сторону туалета.

Лариса: У меня муж есть. Повторить?

Владимир: Повторить - только вот на этот столик. *(Кивает в сторону дислокации Игоря)*. И сразу двести. Мне там запиши. Можно же так?

Лариса: Так тоже можно. *(Уходит)*.

Владимир: Хорошая. *(Достаёт пачку сигарет, выходит наружу)*.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Владимир и Игорь сидят за одним столом. Графинчик, разваленные закуски, все дела.

Игорь: А "Игра престолов"?

Владимир: Не смотрел.

Игорь: Ну и вот. И какое тогда отношение ты имеешь к народу?

Владимир: Да в рот я этот народ.

Игорь: Ещё бы.

Владимир: Поясню. Это же Голливуд?

Игорь: Ну.

Владимир: И какого хера ты, патриотик долбаный, тогда смотришь идеологически чуждую кинопродукцию, ась?

Игорь: А сказки - жанр интернациональный...

У Владимира звонит телефон.

Владимир: Ну ты где, Димчик?..

Игорь: Привет ему.

Владимир: Тут с тобой поговорить хотят. *(Передаёт трубку Игорю)*.

Игорь: Митя, привет... Да случайно здесь познакомились... Ну и правильно...

Пока. *(Отдаёт телефон обратно)*. Он не приедет.

Владимир: Да и хрен с ним. По чуть?

И г о р ь: Давай. *(Выпивают)*.

В л а д и м и р: Давно Димчика знаешь?

И г о р ь: С первого класса.

В л а д и м и р: Вон оно как. Бывает.

И г о р ь: Да, бывает.

В л а д и м и р: А боится он одноклассничка-то. Сразу соскочил, как тебя, Игорёк, услышал. Димчик славный, однако слабый. Но любим мы его не за это.

И г о р ь: Боится, боится.

В л а д и м и р: Это я неправильно сейчас. Похоже, не боится, а просто брезгует.

И г о р ь: Брезгует, брезгует.

В л а д и м и р: Смотри. Вот вы вместе росли, в одном классе учились, одни книжки читали. А получились полные противоположности. Димчик - человек свободный, свободнее меня, а ты - ну, сам понимаешь.

И г о р ь: Одну Акуджаву слушали даже.

В л а д и м и р: Окуджаву он слушал. Да у тебя "Ласковый май" в анамнезе на лице написан.

И г о р ь: Мне "Ласковый май" родители слушать запрещали. Ставили нам с Митькой Окуджаву, просвещали. Пластинка такая коричневая была, с портретом барда. Запыленная.

В л а д и м и р: Так у тебя, получается, и папа с мамой нормальные были.

И г о р ь: Они и сейчас есть.

В л а д и м и р: А у меня давно нет. За родителей?

И г о р ь: Давай.

Разливают остатки коньяка из графина, выпивают.

В л а д и м и р *(вглубь кафе)*: Лариса, счастье моё, нам бы еще двести коньячку.

И г о р ь: Водки. Не люблю коньяк.

Подходит Л а р и с а.

Л а р и с а: Повторить?

И г о р ь: Двести водки.

Л а р и с а: Какой?

И г о р ь: Хорошей.

Л а р и с а: У нас плохой не бывает.

В л а д и м и р: Именно. Водка бывает хорошая и очень хорошая, остальное не водка. На ваш выбор Лариса, по среднему ценнику. Хорошо?

Л а р и с а: Хорошо. *(Уходит)*.

В л а д и м и р: А чего ты тут засиделся-то с самого обеда? У чиновничества рабочий день уже вышел весь.

И г о р ь: Шеф сказал, что нужно документ подписать срочно, водителя сюда отправит.

В л а д и м и р: И чо? И где?

Игорь: В Кулунде.

Владимир: Гиблый край.

Игорь: Какой еще край?

Владимир: Кулундинская степь. Ровная как стол с редкими берёзками. И озёра солёные через одно.

Игорь: А где это?

Владимир: Южная Сибирь. Какого радетеля Родины ни возьми, он про свою страну не знает ни хрена.

Игорь: Ну, вы зато много знаете про то как жизнь тут правильную наладить.

Владимир: "Для человека, чей родной язык - русский, разговоры о политическом зле столь же естественны, как пищеварение".

Игорь: Закуски, что ли, ещё заказать?

Владимир: Это из Бродского. Нобелевская речь.

Игорь: А, Бродский. Икона интеллигенции. Ну да, ну да. Ненавижу.

Владимир: Я в курсе.

Приходит Лариса, ставит графинчик с водкой.

Лариса: Ещё что-нибудь?

Владимир: Лариса, а как вам Бродский?

Лариса: Огурцы под водочку принести?

Владимир: Нет, спасибо.

Лариса уходит.

Игорь: Высоцкий вот нормальный был. Единственный в родительской фонотеке. И Митьке тоже нравился. Ну, тогда ещё.

Владимир: Ну, за детство.

Игорь: За детство. (*Выпивают*). Лет по двенадцать нам, что ли, было. А на соседней улице корпус худграфа - там студенты в аудитории на первом этаже натуру рисовали. Ну, натурщиц голых. Сидим во дворе, кто-нибудь из пацанов прибежит, доложит - и айда бегом всей толпой в окна подсматривать. Нам-то сиськи интересны, а Митьку процесс зацепил. Ну и вот. После школы я на экономиста пошёл, а он на художника.

Владимир: Однако, как по-разному сиськи на людей действуют. Одним открывают дорогу к свободе, другим - к профессиональному патриотизму.

Игорь: Как же вы задолбали с этой вашей свободой.

Владимир: А мне-то ты зачем свою убогую замшелость высказываешь? Димчику бы рассказал, а я бы послушал по какому адресу он тебя отправит. Да вот только не придёт Димчик. Ко мне бы пришёл, а к тебе не придёт. Смирись, чиновная душа, ты даже друзьям детства неинтересен.

Игорь: Конечно. Интересны же только свободные люди со светлыми, ясными лицами. Куда уж мне.

В л а д и м и р: Соображаешь. Можно из тебя ещё человека сделать.

И г о р ь: Вы уже сделали из Митьки человека. Спасибо, обойдусь.

В л а д и м и р: Давай уже к нам, к либерсонам. Галстук снимешь этот свой наконец, говорить начнешь что хочешь, а не то что вам дозволено. Хочется же тебе, по глазам вижу. Давай, пока не поздно.

И г о р ь: Мне не поздно. У меня родители из ваших до мозга костей. И Митька. Мне поблажка выйдет.

В л а д и м и р: Ничего так родословная. Жаль, щеночек бракованный.

И г о р ь: Это вы бракованные. Ошибка эволюции.

В л а д и м и р: Димчику в лицо скажешь?

И г о р ь: Сто раз говорил.

В л а д и м и р: В третьем классе?

И г о р ь: Зачем в третьем классе? Позже. Когда он вены себе первый раз порезал.

В л а д и м и р: Это когда?

И г о р ь: Это двадцать лет назад.

В л а д и м и р: Я не знал.

И г о р ь: А никто не знал. Я случайно к нему зашёл тогда, еле успел.

В л а д и м и р: Странная история. Не представляю.

И г о р ь: Точно?

В л а д и м и р: Точно. Дима оптимист такой по жизни, совсем на него не похоже. Гонишь ты чего-то, патерналистик.

И г о р ь: Ладно, слушай, Акуджава. Тогда же ваша блядская свобода приключилась: всё стало можно, всё стало взахлёб: статьи, митинги, выставки, девки. И Митька стал модный - первый свободный художник города, икона стиля, как сейчас говорят. И захлебнулся он этой вашей свободой. И я его перевязывал, хлестал по роже, скорую вызывал.

В л а д и м и р: Я не знал.

И г о р ь: Никто не знал, я же говорю. Он тогда только со мной разговаривал неделю, пока отходил. Объяснял ему, что всё не то и не так, что нельзя жить по заповедям моих прогрессивных родителей. Что свобода имеет свои границы - и эти границы внутри человека, а не снаружи. Нравится Акуджава - слушай, но не воспринимай его как стиль жизни. Это мираж, фантом, морок, идеализм. Бред, в общем, нелепый романтический бред.

В л а д и м и р: Убедил?

И г о р ь: Убедил, светлый человечек, убедил. Пару заказов подогнал - нормальных, для Дома правительства - там тогда ещё галереей современного искусства озаботились, в духе пока ещё декларируемой свободы. И всё. И всё могло пойти не так.

В л а д и м и р: Не могло. Не мог Димчик встать на вашу сторону. Физически не мог.

И г о р ь: Смог бы, если бы не водка. Вы же, свободные люди, пьющие все как один. У вас же трезвость антинорма жизни.

В л а д и м и р: У нас. У нас с тобой сейчас эта самая антинорма. Вот прямо здесь. Налью.

И г о р ь: Налей. С Нового года себе не позволял. *(Выпивают)*.

В л а д и м и р: Водка для русского человека главный коммуникатор. Мог бы это понимать,

как заслуженный радатель Отчизны.

Игорь: Ну да. Вы где были, эстеты-революционеры, когда Митька в свои чёрные запои уходил? Когда он молотком мебель крушил. Когда от корки хлеба блевал, да и корки у него в доме никакой не было. Что-то я не припомню, чтобы вы его ремнем вязали, систему ставили, сладким чаем отпаивали. Не время, друзья, отвлекаться на мелочи, когда свобода в опасности. Ещё бы.

Владимир: Нет, ну я не раз ему говорил, чтобы он как-то поаккуратнее с этим делом. Берегов Дима не видит, это правда.

Игорь: Говорил он. Сидел бы сейчас Митька с тобой здесь, если бы не я, и пил бы до бессознанки. Говорил он. Это ты, что ли, его в наркологию упаковывал, когда он кончался буквально? Ты докторам деньги платил, чтобы водку ему никто не передал, как у них там водится? Ты его картины из мастерской увозил, чтобы он их за шкалик не продал? Хрен-то там. Все вы где-то у себя за идеалы боролись, а я за Митьку.

Владимир: Это когда было?

Игорь: В последний раз? Два года назад. С тех пор не виделись.

Владимир: Почему?

Игорь: Потому что человек так устроен.

Владимир: Как?

Игорь: Да вот так. Раздражают человека те, кто ему помог в трудный период. Видеть он их не может. Тошно ему от них. Всё просто.

Владимир: А я скажу почему. Ты же его не просто откачивал, ты же его жизни учил при этом. Нет, не при этом, а за это. Так ведь? "Я тебя, Дима, спасу, но ты, Дима, потом уж не водись с плохими ребятами. Ты, Дима, со мной водись, я тебя научу как надо". Ты свою картину мира вкладывал в его голову. Ты для себя это делал, а не для него. Всё просто.

Игорь: Правильно. Зато вы ему потом праздник свободы устраивали. С водкой. Красавцы, чего там.

У Игоря звонит телефон.

Да я понял, Олег Артемьевич, что сегодня не успели... Конечно, завтра с утра сделаем... Нет, там бюджет уже проведён документально... Пусть тогда Григорьянц и исполнит... А это не моя зона ответственности... Да пошёл ты, Олег Артемьевич... Сам знаешь куда. *(Завершает разговор)*.

Владимир: Ты охренел, герой бюрократии?

Игорь: Ладно, заслуженный либерал России, давай допью и по домам.

Владимир: Лариса, свет очей моих, посчитай нас.

Разливают, выпивают. Подходит Лариса.

Лариса: Один счёт?

Владимир: Один.

Игорь: Я по карте рассчитаюсь.

Лариса кладёт счёт на стол, уходит.

В л а д и м и р: Не ожидал от тебя. Правда. Уволит же тебя твой Олег Артемьевич.

И г о р ь: Хрен он уволит. У него мозгов не хватит такие схемы придумывать, какие я ему рисую. Переживёт как-нибудь. Тут аптека где-нибудь рядом есть?

В л а д и м и р: Понятия не имею, я же не местный. Ты хворый, что ли, распильщик-патерналист?

И г о р ь: Матери памперсы нужно купить, год уже как лежит. Ладно, дубль-гис гляну.

В л а д и м и р: А отец как?

И г о р ь: Нормально. Окуджаву ей ставит каждый день с Клячкиным. Развлекаются.

В л а д и м и р (*смотрит счёт, выкладывает купюры*): Это тебе, а на чай я в счёт положил.

И г о р ь (*не отвлекаясь от телефона, придвигает деньги к себе*): Ладно, будь здоров. Митьке привет передавай.

В л а д и м и р: Передам. Пока. (*Уходит*).

И г о р ь (*набрав номер*): Привет, пап... Как вы там?.. Ну и славно... Конечно... Минут через сорок... До встречи.

Подходит Лариса. Игорь рассчитывается картой. Одевается.

Спасибо, Лариса, всё было замечательно.

Л а р и с а: Не за что. Приходите ещё.

Игорь уходит. Лариса стирает на доске слово "СТРУГАДСКИЕ", исправляет "АКУДЖАВУ" на "ОКУДЖАВУ". Включает музыкальный центр, вновь садится за дальний столик с калькулятором.

Из динамиков звучит песня Булата Окуджавы "Ночной разговор".

-Мой конь притомился. Стоптались мои башмаки.

Куда же мне ехать? Скажите мне, будьте добры. -

Вдоль Красной реки, моя радость, вдоль Красной реки,
до Синей горы, моя радость, до Синей горы,

- А как мне проехать туда? Притомился мой конь.
Скажите, пожалуйста, как мне проехать туда?

- На ясный огонь, моя радость, на ясный огонь,
езжай на огонь, моя радость, найдешь без труда.

- А где же тот ясный огонь? Почему не горит?

Сто лет подпираю я небо ночное плечом...

- Фонарщик был должен зажечь, да фонарщик тот спит,
фонарщик-то спит, моя радость, а я ни при чем.

И снова он едет один без дороги во тьму.

Куда же он едет, ведь ночь подступила к глазам...

"Ты что потерял, моя радость?" - кричу я ему.
И он отвечает: "Ах, если б я знал это сам..."

Медленно гаснет свет.

Декабрь 2018 г.